

Талым

Жайлыбай

ТАМАКОШКЕН

(единственная страница потерянной книги)

Поэма

Конь с шерстистыми скулами пешим пускал,
 Где он только хозяина не оставлял.
 Часто крыльями машет степная сова –
 С кем же дружб только тут не водила она!
 Желтобрюхой синицей визжат все вокруг,
 Когда ангелом смерти идёт Азраил:
 На кого только он не накинул курук*
 И кого только в мире не покорил!
 Вот казах – мошкары наловил бородой,
 А в усах – яйцекладка чернеющих мух,
 И охотясь в равнинной степи за едой,
 Где он не испускал только бедный свой дух...

Шалкииз

...Организованный 3 сентября 1928 года в степях Сары-Арки центр Сарысуского района называется Аккенсе. Бывшие пять волостей рода Тама и две волости рода Таракты, состоявшие из пятнадцати аулов, вошли в состав этого нового района.

Сталинский переворот, именуемый «Малым Октябрём», конфискация имущества и скота у байских элементов, а также ликвидация самих баев, волнения в местечке Кара Ногай, Сузакское восстание стали звеньями событий, которые внушали страх всему населению.

Среди тех, у кого надлежало изъятие скота и прочей собственности в период конфискации в 1927-28 гг., были дети Аргынбая Оксикбай и Каку из рода Жагалбайлы, Иманбек и Ауесбек из рода Айдарбалта, Тусипбек из рода Шака (сын Ыхласа Дукенулы), Акберген, сын Кенголя из рода Шажа, Тусип из рода Ногайлы, Толенбек, сын Жанбека из рода Жабал. Никого из рода Таракты среди них не было.

24 ноября 1932 года, истощённое голодом население, было вынуждено спасаться массовым бегством, и направилось в сторону города Аулиеата (Жамбыл). Большинство беженцев было уничтожено голодомором и джутом. Так, например, до местности Байкадам, что у реки Чабакты, дошли только около 500 семей, хотя из устья реки Сарысу в этот трагический путь двинулось более двух с половиной тысяч семей.

Из документальных источников.

* * *

В мире, где царит неразбериха,
Где выходит на охоту лихо,
Рок-Судьба казахам отмеряла
Тяжкую, как камень, долю злую,
И гнала по свету, в тьму сырую,
На чужбину, что приютом стала...

Хоть смогли сберечь в озёрах чистых
Свет души и отблеск свой лучистый,
Но Судьба скупа – и счастья нет.
Злые псы всех отшумевших лет
Вновь визжат, опять берут твой след.

Так идёт история печали
Вслед за нами, озаряя дали
Пламенем кровавым страшных бед...

Предок мой был смел и благороден,
Как давно прославленный в народе
Сказочный герой наш – Ертостик.

Я открыл стихов моих родник,
И перу, как прежде, снова верен.
На странице чистой я намерен
Волну дать и мыслям, и словам.

Пусть в живой мой стих
вплетётся сам,
Как орнамент, голос дней минувших,
Пусть пробудит будущие души
Своим рёвом ураган времён,
Пусть горячий ветер выдаст муки
Скорбных дней,
печальных плачей звуки –
Оживит перо народный стон!

Льётся вдохновение потоком –
Я парю над степью, над истоком,
Где расцвёл души моей цветок.
Тесно лепесткам цветка в бутоне.
О, моя заря на небосклоне,
Подскажи слова мне нужных строк!

Бренна жизнь – исход её известен.
Хоть корабль совести и чести
Всё плывёт по глади чёрных вод,
Даже долгий путь – всегда короткий.
Жариться душе на сковородке,

Подогретой призраком лихим,
Призраком кровавым – век двадцатый,
Сатанинский, грозный, диковатый,
С нами он, пронизаны мы им!

* * *

О том поют хребты Сары-Арки,
О том поют и ветры над хребтами.
Они, как звери, душу рвут когтями,
Глодают, жрут кровавые куски.
О том же сиротливо говорят
Мужчины, что ушли от бед живыми.
Народ Жана-Арки твердит за ними
О том, что было много лет назад...

* * *

Ничего на свете не забылось...
Когда жизнь в руках чужих забилась,
Братья наши старшие тогда
О мечтах прекрасных говорили...

...Горькую полынь слезой омыли
Эти не забытые года.
Корень караганника питала
Кровь людская, будто бы вода...

Неужели жизнь, и в самом деле,
Так ничтожна?
Дышит еле-еле...
И зияет смертной пустотой
Степь Бетпадала.
Она бесплодна.
И кочуя по земле холодной,
Весь горя, как в самый жаркий зной,
Въяве, с неутешною душой,
Одиноким, в голос я заплачу...

Голова твоя – как лёгкий мячик:
Ты в руках Аллаха, человек,
Каждый миг твой,
каждый краткий век!

Плохо, коль текут, не высыхая,
Твои слёзы,
Коль Судьба глухая
Растеряет все твои деньки,
Словно в чётках камешки цветные –
Лопнут нитью годы золотые,
Разлетятся бусы-огоньки...

Просветленья!
 Дух мой освяти,
 Пусть в дороге
 свет мне твой поможет!

Пусть укроет от беды и ран
 Боевая сабля алдаспан.
 Окурите ею мне дорогу,
 Шора и Нарык,*
 в лихую брань
 Кровью заливавшие Казань.

* * *

Траурное шествие – кочевье.
 Раненой души моей – кочевье.
 Хочешь глянуть вглубь – за мной иди!
 Пред тобой расступится пучина:
 Мать заплачет на твоей груди –
 Нет её единственного сына.
 Цену мне прощенью не понять...
 На груди моей рыдает мать –
 Потеряла дочь она навеки,
 Потеряла, словно сердце, дочь...

Как в песок пустынь уходят реки,
 Род Тама идёт, уходит в ночь!

Чем ты можешь, песнь моя, помочь?
 Всё прости...
 Но ты, Луна на небе,
 Ты простила?..
 Разве это небыль –
 Лучик жизни, среди ночи свет?
 Жизнь – пять дней.
 Конца кочевью нет.

Тусклый путь,
 с тех пор, как в ночь ушли мы,
 Как Союз нас принял нерушимый,
 Как ему поверили в ответ...

Век промчался, годом пролетел.
 Вязнет в скорби и беде кочевье.
 Счастье и везенье, словно черви,
 В грязь вросли – и это наш удел!

Кров последний – степь Бетпакдала,
 Предков ты скитанью отдала.
 Слезы жгут, как горькая отравка.

На пустынном плоскогорье вновь
 Проступает родовая кровь,
 Предка голова белеет в травах.

Кости, что разбросаны в пыли,
 Я собрал.
 Здесь зорями цвели
 О свободе помыслы святые.
 Эта драгоценная мечта,
 Как степного неба высота,
 Как колосья, солнцем налитые!

* * *

Сарысу!
 Твой воздух так чудесен.
 Ты обитель прерванных здесь песен,
 Но в тени прохлады хороша.
 Горем порождённая душа,
 Мой народ, испытанный слезами,
 У подножья Каратау, с вами,
 Моя песня жить сюда пришла,
 Где теперь и вы живёте сами...

* * *

«Слёзы жгут...»

Но что вам скажет фраза?
 Год и век прошли над миром хмурым,
 Музыкой священной Сугура,
 Как изгиб кобыза у Ыхласа.

С первым солнцем – до ночного часа
 Хлеб насущный добывал народ.
 Хоть терял сознание, шёл вперёд.
 Он слезами этот путь пометил.
 Что ты скажешь,
 тихий, нежный ветер?

Вот она перед тобой, сама,
 Эта проторённая дорога,
 По которой шёл мой род Тама...

* * *

Бетпакдала, твои пригорки опустели
 И потускнели под дождливую слезой.
 Создатель мой,
 качавший наши колыбели,
 Что скажешь Ты,
 отдав детей Судьбе-борзой,

Как куропаток,
как птенцов, на растерзанье?

Какой Ты Мастер!
Возвратишься ли опять,
Чтоб без верёвки
всех на привязи держать,
Без крошки хлеба
неповинных гнать в скитанье?

Видать, написано так было на роду...
Ну, что тут скажешь?
Не поможет вязь письма...
Жизнь с колеи своей свернула на беду,
Клеймо поставила Судьба
на род Тама.

Насмешкой было –
над поверженными в прах:
«Не позволяйте перегибов на местах,
Но ни одной скотинки чтобы
не осталось!»

Двадцатый век,
тобой давно забыта жалость.

Прошли года.
Дай благочестия, Аллах,
Народу-страннику, печальнику Таме!
Народ – как волны,
закипевшие во тьме:
Коль овладеет им отчаянье-томленье,
Он разобьётся о прибрежные камения,
И так умрёт...

За чёрной ночью – чёрный день!
Когда падёт на род Тама исхода тень –
Оповести меня о времени исхода...

...И снова жалуясь
безмолвью Небосвода,
Жаным*, на лик я твой взгляну!
Ах, милый мой,
Уж так сложилось –
не поспоришь тут с Судьбой...

Надеюсь, ты меня поймёшь.
Бегу стремглав я
За родом скорбным,
за разрозненным Тамой...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Дитя лишилась плачущая мать.
Мужчины, братья, где вас отыскать? –
Никто не откликается в округе.
Снег ноября бьёт по лицу, как жгут,
И в Каратау беженцы бегут
Через снега холодные и вьюги –
То род Тома, покинувший дома...

Сказать по чести, так и раньше было –
Удача в этом месте не гостила,
Удача в этом месте не жила...
Пересекая степь Батпакдала,
Оставив дом, кочуя, слёзы льёт,
По свету разбредается народ.

Народ мой будто горем порождён.
Он крепок духом, хоть и измождён.
Вот Аккенсе,
Каражартас,
Камысмола...

Вам снится ли последняя зола
Оставленных в долине очагов?

Судьба! Ты отняла родимый кров!
Сопротивляться,
вновь сопротивляться,
С Судьбою биться из последних сил!
Двадцатый век, тебе не оправдаться
За то, что мой народ ты распылил!

Скелетом изогнулось кереге.*
И блеск огня завидев в очаге,
Безумный Людоед свой зев откроет –
Он за огнём следит. Следит и воет...

Бредут пустыней жизни чернь и знать.
Никто из них не хочет умирать.
Травой без корня катятся по свету...
Рисует память мне картину эту –
Печальный день рисует мне опять.

Судьба их по безликому Бетпаку
Всё гонит, как безродную собаку,
И не на чем остановить свой взгляд,
И нет уж сил, и нет пути назад...

Три света, три надежды истлевают –
Их погасил смертельный ветровой.

Народ не верит больше никому.
Нет ласковых лучей.
Пронзая тьму,
И солнце и луна теснятся рядом
В степи пустынной.
Бедный, бедный люд!
Куда,
Зачем
В метель они бегут,
Скитальцы обезумевшие, стадом?

Сел в лодку скорби мученик-народ.
По морю слёз их бедствие несёт.

Что дальше уготовано тебе?
И все ли покоряются Судьбе,
Удерживая горькие рыдания?..»

Сквозь ромб решётки
бросив быстрый взгляд,
Асип-апа, свершая свой обряд,
Отправилась в последнее скитанье.

Когда душа горит, пылит золой,
Теряя свет по каплям – точно рана
Теряет кровь,
Дух сиротеет твой.
...В последний путь
отправилась, домой,

Асип-апа.
В тот миг, с Асип-апой
Погасли свечи племени Шомана...

* * *

Когда и жизнь меняется, и век,
Когда теряет корни человек,
И всё стирает Время неустанно,
Я помню этот день и чёрный снег –
День назван: «Истребление Шомана».

Ущелье, или кладбище открылось? –
Костей белеет страшная гряда...
И если бы река здесь покатилась,
Слезам бы наполнилась вода?

Но нет, не исцелить слезами ран...
Что скажешь ты?

Скажи, Жунды-Курган!
Сары-Курган,
что скажешь в утешенье?

Мелодий скорбных долгое течение
Доносит ветер сквозь ночной туман.
Здесь мучились...
Здесь плакали...
Стонали...
Мелодию домбры ветра прервали.
Без погребенья брошен здесь народ.
Остались юрты, но никто не ждёт...

* * *

Трудней всего
душой стремиться ввысь,
Когда тебе не поддаётся жизнь,
И своего ты не хозяин века,
И утекает бытия река...
...Печальной могилою Кузeka
Отныне стала высота Бурка...

Священная,
Под оком Аруаха,
Земля стихов,
Земля мелодий
Млеет,
И косточками прадедов белеет,
Рассыпанными по долине праха...

Дорогу в Чу покажут на рассвете,
Кто знает средь степи дороги эти,
Отмеченные в горестной Судьбе.
Приду я к месту возле Бозтобе –
Здесь род Молдас прошёл.
В печальный час
Здесь многих потерял он,
род Молдас...

Когда и жизнь меняется, и век,
Когда теряет корни человек
И всё стирает Время неустанно,
Я помню этот день и чёрный снег –
День назван:
«Истребление Шомана»...

* * *

...До 1946 года никто не осмелился ступить на земли Бетпақдалы. Впервые ущелье «Истребление Шомана» увидели те, кто через год после окончания войны решили засеять семенами пшеницы территории у горы Ку, то есть люди нашего аула. Они увидели там неразобранные юрты, разбросанные человеческие останки. Среди тех, кто собрал и похоронил человеческие кости, черепа и волосы, были твой отец Тургай и мой отец Оразалы.

Вот как, плача, запел тогда народный акын Буралкы Кудайбергеноулы, который видел этот ужас:

Полупесчаный, мёртвый перевал.

Зачем народ так истощён, забит?

Герой народный призраком восстал,

И край родимый сердцем не забыт.

По переписи населения 1934 года из всех, откочевавших из Сары-Арки людей рода Тама и Таракты, число дошедших до Чуйских степей не достигает и четырёх тысяч. Остальные из покинувших насиженных места, почти 15 тысяч человек, умерли голодной смертью у безликих хребтов Бетпақдалы.

(Из воспоминаний аксакала, старейшего учителя, краеведа Жаксыбая Сулейменова).

ПЕРВОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Есть две горы среди Бетпақдалы: Одна Мунлы, другая же – Кулы. Считается богоугодным делом, Кто покорил две гордые скалы.

Начну же потихоньку я пытаться
Холодный камень, помнит ли он джут?
Ответят ли мне горы, иль опять
В молчании, высокие, замрут?

Мунлы, Кулы –
От вас идёт тоска.

Любой, в ком сердце бьётся,
здесь печален.

Слезами, чище влаги родника,
Мои глаза мне горы наполняли.
Так почему ж вам правды не сказать?..
Она страшна,
Но правду будут ждать,
Страдая, Шалкия,
Кенжебайсай,
Курган Жума,
Бестау,
Аркарлы,
Ещё Кылыш,
Ещё Косагалы.

Народ мой, пострадавший без вины,
В песок упав,
ты принял смерть в пустыне.

Сухие пни в сухой степи видны.

И саксаул,

И боялыч донине

В Бетпақдалу тех дней приводят сны...

За лучиком надежды в Чу бежали.

Облезла шерсть коня, бока опали,

Остался от него один тулак...*

Усеяли и доли, и овраг,

Засохли кости беженцев.

Их много...

Закончилась их долгая дорога

Здесь, у подножья гор

Мунлы,

Кулы...

Шайтаны, из ночной являясь мглы,

Шумят, играют мёртвыми огнями –

Их десять тысяч!

Сатану плетями,

Лишь сумерки – я в нору загонял!

На косогоре красный волк стоял

И мнил себя он волком настоящим!

Бетпақдала!

Песок кровотокащий.

Пустынь пустыня. Чревом ты пуста,

Как самка, что ни разу не рожала,

Как птица,

что птенцов своих не знала.

Ты многое на свете повидала,

Но каменные сомкнуты уста...

* * *

...Унылая гора!
 Молчишь, приумножая
 Унынье и печаль.
 И в правде твоей – мрак.
 ...Ветра мне принесли
 из облачного края
 Легенду о былом. Я помню её так,
 Как в памяти моей
 сказанья сохранились:
 С калмыками тогда
 мои казахи бились.
 Печальна летопись
 и путь печален наш.
 Народ мой бедный,
 терпеливый мой Алаш,
 Все мои мысли только ты поймёшь...
 Джунгары
 В набег пустились
 по дорогам нашим старым,
 Чтоб степь бескрайнюю
 навеки покорить!
 Клубок войны, свою разматывая нить,
 Катился полчищем несметным –
 в десять тысяч.
 Кто знает,
 мучил ли врага в походе страх?
 Дороги пыльные
 стирало войско в прах,
 Шло день за днём,
 Шло войско месяцами –
 Безлюдна степь, и здесь, и за холмами:
 Нет юрт больших.
 Нет малых в тех краях...
 – Вот-вот придёт казахам всем конец! –
 Кричит джунгарским воинам гонец,
 И в бой летят они через долины,
 И через соль песков летят они –
 Но только травы клонятся одни,
 Но только травы пригибают спины.
 Безлюдна степь. И в жёлтой той степи
 Пришлось врагу с дороги сосупить,
 И опустить, и придержать поводья.
 Заканчивались пища и вода.
 Везёт же злу на свете иногда!
 И оглядев пустынные уголья,

Так полководец начал разговор:
 – Мы встанем здесь.
 Мы разобьём шатёр.
 Мы будем ждать!
 Пусть десять тысяч воев
 Поскачут дальше средь долин и гор!
 – Не одолеют нас, не победят!
 – Мы всех сильней! –
 батыры говорят.
 – Мы всех сильнее! – говорят стрелки.
 И вдаль ушли джунгарские полки.
 И день прошёл, и месяц пролетел.
 Никто из тысяч тех не уцелел.
 Лишь двое возвратились из похода,
 Едва дыша...
 И полководец их,
 Взирая на бойцов полуживых,
 Не ожидал бесславного исхода.
 Кричал он:
 – Говорите! Что за враг
 И где напал? И умудрились как,
 Попали как вы в переделку эту? –
 И два джунгара, тощих, как скелеты,
 Что еле дотащились до своих,
 Сказали:
 – Мы не знаем, кто в живых,
 А кто теперь лежит, объятый мраком,
 Кто стал добычей птицам и собакам.
 Мы шли пустыней – без куска еды,
 Мы шли пустыней – без глотка воды,
 Не зная и примерно направленья,
 Куда идти...
 И засыпал следы
 Песок в долине смерти и забвенья...
 Пылает гневом полководца взор.
 Он приказал, в своих решеньях скор:
 – Полтысячи в пустыню ту идите!
 И этих, двух, в проводники возьмите!
 И всех, кто пал в походе, соберите!
 Похороните! –
 И ушёл в шатёр.

И если я начну листать дневник
 Минувших дней – увижу дикий лик

Пустой земли,
над нею – знойный купол.
Дарила ли цветы кому-нибудь?..
Отряд джунгар,
что вышел в скорбный путь,
Ни одного не обнаружил трупа...

-Что за земля! И воздух тут горчит,
И так легко тут с жизнью разлучиться.
В степи безлюдной
не услышать птицу,
Один песок кочующий свистит...
«Злосчастливая» она – Бетпакадала,
Мертва она – без крови и без соли...

Глубокий смысл легенда донесла.
Враги остановились поневоле.
– Пока земля Бетпака не сожгла,
Пока мы здесь навеки не пропали, –
Калмыкские богатыри сказали, –
Коней своих нам повернуть пора!

Стара пустыня. Эта была стара.
Поведали её долины эти,
И старцы, долго жившие на свете,
И среди песков поющие ветра.

И с этих пор хребты пустынных гор,
Бетпак – Бетпакадалой* зовут в народе.
К преданьям древним
эта была восходит,
И в памяти хранится до сих пор...

* * *

Вернулся ужас тех времён и мрак.
Откуда эта молния сверкнула
И распорола юрты шанырак? –
И вновь грозой смертельною подуло.

Чем, замирая, слушать была молвы,
Поэта слушать – правду расскажите,
Гора Кулы,
Угрюмая Мунлы!
Хотя б на миг язык свой развяжите!

...Испортилась погода на дворе.
Буран поднялся снежный в ноябре.

Но правды ты не скажешь мне, я чувю,
И зря к безмолвной я пришёл горе...

...В твоих объятьях,
где гнездится тьма,
Как молодая поросль весны,
Навек завяли странники Тама,
Ушли в обитель вечной тишины.
Как много их!
Как ветры века злы!
И вы надгробным,
синим камнем стали,
Гора Мунлы,
Безмолвная Кулы!

* * *

«...Из 7000 хозяйств в Сарысуском районе остались только около 500 хозяйств, остальные переселились в Аулиеату и в другие районы, а некоторые даже очутились в Кыргызстане. В ноябре месяце несколько сотен казахов, от мала до велика, стихийно двинулись в долгий путь. По дороге были человеческие потери. Только во вторую пятнадцатую января были найдены останки 24 человек. В пути на беженцев напали вооружённые бандиты. Оставшись в безвыходном положении, женщины бросали детей в воду. 5-6 января были собраны останки 20 детей, замёрзших в чайханах Аулиеаты, а также в этот период 84 взрослых умерли от голода».

(Из письма Т. Рыскулова И. Сталину, от 9 марта 1933 года, с использованием данных уполномоченного по Сарысускому району Ораза Жандосова).

Турар ага! С благословенья Бога,
Ты правду века не согнал с порога –
Открыл её, не побоялся, нет!
...Невиданного бедствие размаха:
Два миллиона сгублено казахов.
Кто даст за жизнь их плату и ответ?

В безлюдной, жёлтой,
вымершей степи
Один песок глаза тебе слепит.

Здесь брошенные юрты, шалаши –
Жильё на время здесь... и ни души...

Тяжёлой ноши, посланной Судьбой,
Дождался здесь народ мой кочевой.
...Тамга-клеймо кровавое навеки –
Письмо Турара Сталину...

Как реки,
Текут людские слёзы по земле.
Кричит народ и плачет,
и во мгле
Хребёт горы скорбящей проступает,
Он издали виднеется – и тает...

...Ты ради верблюжонка своего
Отдашь коня и весь табун его!
За Родину, объятую пожаром,
Оразом стань!
Бесстрашным стань Тураром!

Когда в душе найдёт свет истин кров –
Зальётся в небе жаворонок-птица.
И чтоб орлом парить среди облаков –
Тураром надо на земле родиться.

В степных просторах
встретишь ли ты лето?

Прошли года, но не забылось это...
С базара жизни,
С шумного базара
Не возвращайся мой народ вовеки!
В огне Сакен, Ораз, душа Турара,
Чтоб жизнь сберечь
в гонимом человеке,
Чтоб защитить от смерти мой Алаш,
Народ-кочевник, богоданный наш!

Гордимся мы их смелой прямотой.
И многие исчезли в буре той:
От пули Байсеиту был удар.
Погиб великий сын наш, Жанайдар.
О, Господи! Опорой стань!
Моя
Жизнь – как свеча:
то вспыхнет, то замрёт,
И серп Луны, как вбитый клин, плывёт –
За ним в пустыне наблюдаю я,

Ещё за тем, как бедный мой народ
Разбрёлся, утращённый, по земле
Созвездием Плеяд –
в печальный год,
Перемещаясь в смертоносной мгле...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

...По земле бредут, идут.
Все измучены, идут.
Все из разных мест идут.
В кучки сбившись, голоса,
Горе на плечах неся.

У кого-то есть верблюды.
По равнине вдаль идут.
И шарахаются в страхе
Друг от друга – не свернуть!
Утомил их, истощил
Этот страх и этот путь.

Если ключ пробьётся тут –
Вмиг пески позаметут.
Многочисленный народ
Стал бродягой.
Вдаль бредёт.

Ярку выкрал – будешь сыт,
Только быстро вор раскрыт.
Стали слёзы многих дней
Полноводною рекой.
Вот слепуха, а за ней
Аксакал идёт хромой.
И бегут за ними рысью
Цели их поводырей.

Цель слепа и путь слепой.
Бездорожье. Непокой.
Каждый день теряют близких
Род Жоги и род Алип.
Но идут.
Где стон, где всхлип.

Снарядил в дорогу ту,
Дал старик-мудрец бату*.
И пошли Саннаты тоже
Мерить за верстой версту.

С Тарактами им идти –
Обе волости в пути.

Издеваясь над живыми,
Горе-горькое идёт.
Полям,
Травами сухими
Степь идёт – за родом род:
Вот Алшын, Жагалбайлы,
Вот Шеркеш.
Как ветры злы!
Нет уж сил...
Поникший в грусти,
Род Тама средь них бредёт:
Счастья нет, коль не везёт.
Он лишился дней удачи...

Как вдовица горько плачет!
Плачет бедная Айман.
Сын единственный к ней жмётся.
«Ну, откуда же берётся
И беда, и жизнь-обман?
Жалки мы и жалок век.
Как мельчает человек!
Горько... Кругом голова...» –
День и ночь идёт вдова...

* * *

...Как в беспамятстве, бредёт
Приведение-народ:
По земле идёт как будто,
И как будто под землёй –
Только стон над колеёй,
Только вслед вороний грай:
– А, а, а, а!
– Прощай!
– Прощай! Прощай!

Страшный сон Айман приснился,
И проснулась, вся дрожа:
Чёрный ужас сердце сжал...
Отчего он появился?
Если встанет пред тобой
Огнедышащим драконом
Смерть –
 поспоришь ли с Судьбой?
Обойдёшь ли все препоны?

Увернёшься ли...
Всю ночь
Ужас мучил. Волки выли.
И в овраг они тащили
Сына – некому помочь...

Страшный сон...
Но сумрак прочь –
Солнце в небе появилось.
И пришла, а не приснилась
Настоящая беда –
Путь в пустыню, в никуда.

Что ей жаловаться Богу?
Толку что в мольбах людей?
И, покинув мавзолей,
Где спала, тая тревогу,
Собралась вдова в дорогу.
С нею сын. Они вдвоём.
Был смиренным нрав вдовицы,
Но теперь она ярится,
Гневных мыслей страшен гром!

Скорбной музыки волна
У неё в душе пылает.
Птица жёлтая летает
Над безжизненной землёй,
И вдову не обгоняет.

Люд бредёт, и млад, и сед.
До вдовы им дела нет –
Каждый смертный одержим
Горем, что случилось с ним.

О, скитальцы-Времена!
Что терзаете вы души,
Что вы жжёте племена?

Средь пустыни, у горы,
Донесли печаль-страданье
Струны горестной домбры.
Память их слезами кормит...

В ноябре чернеют корни
У солянки, у терскен.
Листик масляный чернеет
У забытых, чёрных стен...

Был один,
 без хозяина в перекочёвках...»
 Выживания песню я в сердце пронёс.

Ей, Каратау!
 Я мечтал с тобой,
 С горою чести, о Судьбе иной,
 И мысли сокровенные открою,
 Есть мысли, что хочу делить с горой.

Пусть век,
 дождём испуганный – слезами,
 Что падали на твой холодный камень,
 Казаха слёзы, наконец, утрёт.
 Страдание в груди твоей замрёт.
 Тоска умрёт
 Внутри тебя, в граните.
 Объятья так огромны, и опять
 Готов ты
 Жизнь большой страны питать.
 Так степь мою всем миром обнимите!

...Давай, с тобой я горем поделюсь.
 Хочу обнять.

Давай-ка, обнимусь, мой Каратау!

* * *

В безлюдной пустыне тропа кочевая,
 Когда-то, согретая солнцем, живая,
 Теперь превратилась

в страдания путь...

Осенняя буря огонь задувает
 И гасит она очаги...

Твою грудь
 Беда Хиросимы теснит и сжигает.
 А здесь – наш аул.
 Ты о нём не забудь!

Все прадеды,
 как на подбор, уродились.

Они благородными
 в мир наш явились.

Мой разум смущают года-миражи,
 И требует память: о них расскажи!

За чёрный хребет чёрный век утекает,
 Уходит он, чёрною точкою тает –

На долю казаха доставшийся век...
 Я видел на лысом, пустом перевале
 Невзрачной дороги петляющий бег.
 Среди древнего камня её пробивали –
 К кургану протаптывал путь человек.

...И здесь,
 в круговерти безумных времён,
 Что выть заставляют немых и глухих,
 От голода умер мой прадед, и он
 Здесь голову в травах оставил сухих.

От лозунгов-пут спотыкается конь –
 Стреножены ноги у скакуна!
 Печальник родил нас, жаным, и огонь
 Вдохнул в нас неистовый век-сатана.

И если История вдруг на весах
 Страдания взвесит – посыплется прах
 И кровь изрыгнут эти дни горевые.
 Натёрты ярмом терпеливые выи...

Да, так всё и было, как будто со мной:
 Стреножен я был.

В лютый холод и зной,
 Я брёл в никуда, еле-еле плетясь.
 Привязан я был – видел я овцевязь.
 Остались стихи от рыдающих дней –
 Я видел их, в памяти нёс их моей.

Политика прошлого – словно проказа.
 И вот, вместо стрижки волос,
 по приказу,

Срубаются головы.
 В пытках жестокости,
 Так правили Сталин и Голощёкин.

* * *

Пустынна степь. Блестят солончаки.
 Была дорогой – стала ты бедою.
 Пуд горькой соли съел народ с тобою,
 И слёзной солью выжег он зрачки.

С отцом ходил в Бетпак я,
 к тем местам,
 К могилам неизвестным,
 безымянным,

Чтобы раскрыть свои ладони там.
 Над нами плыли облаком туманным
 Тех мучеников души. Степь больна.
 О, сколько их увидела она,
 Сухая степь:
 Измученных, худющих,
 Из мест родимых в никуда бредущих,
 Расстрелянных...
 Степь стонами полна...

Молили о пощаде Небеса
 И ясным утром,
 И средь тёмной ночи.
 Жаным, с тех пор доньне кровотоцит
 История – печален её ход.
 И со страниц –
 страдальцев кровь течёт...

Когда на времена,
 под взглядом дул,
 Безумие внезапно нападало,
 Когда страна сознание теряла,
 То свежий ветер, нежный ветер дул
 От стонущего в горе перевала.

Тот жёлтый перевал берёт вас в плен,
 И долго будет песня его сниться,
 И Книга Правды пересилит тлен,
 Хоть в Книге той
 и вырваны страницы.

Единственной страницей уцелевшей
 Остался путь Тама.
 Тамакошкен.

* * *
 ...Есть поколение –
 хоть ад был на веку,
 С дыханьем чистым,
 как у лебеда Акку.
 И свои крылья распахнувши,
 в небосвод
 Взмывает птицей белогрудую народ.
 Пусть чёрных бурь не шлёт в дороге
 жизнь-река,
 И целы братья будут, братская рука,
 И пусть хранят тебя земля и небосвод
 В твоём полёте ввысь,
 Казахский Мой Народ!

Точило горя, дух мой выточен тобой!
 В ночи люблюсь я красавицей Луной,
 Считаю звёзды –
 их вовек не сосчитать!
 Судьба моя –
 ты, Казахстан любимый мой!

Ты свет небесный,
 айналайын, свет души.
 Так будь здоров ты
 и вовек несокрушим.
 Рождённый гордым,
 Проторил ты в Вечность путь.
 Ты мой единственный –
 всегда на свете будь!
 И пожелания мои всегда одни –
 Прошу Создателя:
 Спаси и сохрани мой Казахстан!

*Перевод с казахского Надежды Черновой**

* Тамакошкен – кочевье рода Тама

* Курук – петля

* Нагаши – родственники матери

* Шора и Нарык – казахские воины, во времена Ивана Грозного они брали Казань.

* Кереге – деревянный остов юрты.

* Жаным – ласковое обращение к человеку

* Тулак – шкурка, которая используется, как подстилка

* Бетпақдала – означает: Злосчастная, Голодная степь

* Канбак – трава «перекати-поле»

* Бата – благословение.

